

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА АЛЕКСАНДРОВА
кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник Международной научно-исследовательской лаборатории «Фундаментальные и прикладные исследования аспектов культурной идентификации»
Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н. А. Добролюбова (Нижний Новгород, Российская Федерация)
ORCID 0000-0001-5183-9322; nam-s-toboi@mail.ru

ШКОЛЯРЫ БУЛАТА ОКУДЖАВЫ: «МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК» В ПОИСКАХ БЛАГОРОДСТВА

Аннотация. Актуальность темы определяется как запросом современного литературоведения на пересмотр традиционных для советского прошлого эстетических оценок и идеологических трактовок произведений о войне, так и задачей углубленного изучения творчества Булата Окуджавы, которое началось относительно недавно. Ранняя повесть Окуджавы «Будь здоров, школяр» (1961) и соавторская киноповесть «Женя, Женечка и “катюша”» (1968) впервые сопоставляются как этапы рефлексии о «маленьком человеке» в ситуации войны. Рабочая гипотеза исследования базируется на идеях Л. Я. Гинзбург о новой функции «маленького человека» в искусстве XX века (именно он, ставший универсальным символом человеческой уязвимости, призван восстанавливать моральное равновесие) и на принадлежащих В. А. Кошелеву обобщениях мифологизации 1812 года как «последней рыцарской войны». Этот подход позволяет определить своеобразие проблематики повестей Окуджавы на фоне «лейтенантской прозы», сравнить основные типы автопсихологических персонажей – искателей благородства. Принципиально новым является анализ исторических и литературных фантазий «школяров» – приема, реализующего трезвый авторский взгляд на «благородную старину» (наполеоновскую эпоху).

Ключевые слова: Булат Окуджава, Л. Я. Гинзбург, «маленький человек», Отечественная война, наполеоновская эпоха, миф, «лейтенантская проза», автопсихологический персонаж

Для цитирования: Александрова М. А. Школяры Булата Окуджавы: «маленький человек» в поисках благородства // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 1. С. 89–96. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.708

ВВЕДЕНИЕ. «МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК» В КОНЦЕПЦИИ Л. Я. ГИНЗБУРГ

Еще в середине 1950-х годов Л. Я. Гинзбург констатировала, что современное мировое искусство отвело центральное место «страдательно-му, маленькому человеку, просто человеку», чья функция изменилась по сравнению с классическими воплощениями типа в творчестве Пушкина и Гоголя. Если для гуманистов прошлого «маленький человек» был «предметом отчужденного сострадания», то в XX веке он стал «выразителем всех – больших и малых, глупых и умных, умудренных и малограмотных»; именно в нем

«поколение узнаёт свои страдания. Это – всеобщность нищеты и бездомности, всегдашней смертной угрозы и полицейского запрета, хлеба насущного и любви, отчаянно цепкой и всему противостоящей» [5: 285].

Опыт войн XX века предельно обострил сознание человеческой «малости». Г. С. Померанц

в статье на годовщину смерти Окуджавы подчеркнул единое для читателя и художника самоощущение, которое можно определить (пользуясь терминологией Л. Я. Гинзбург) как историческую эмоцию: «Все мы – маленькие люди рядом с танками. Все мы не способны шагнуть в ногу с межконтинентальными ракетами»¹ [11: 24].

Но когда Л. Я. Гинзбург обращается к ранней повести Булата Окуджавы в эссе «Вокруг “Записок блокадного человека”», положение «маленьких людей» XX века рассматривается не только в аспекте страдательности:

«О повести Окуджавы (“Будь здоров, школяр”) говорили, что изображен в ней трус, слюнтяй, психологический дезертир, и никто не отметил любопытную черту: этот мальчик, который несчастен, который боится и жалеет себя и хочет, чтобы мама его пожалела, – ни разу, ни на мгновение не усомнился в том, что надо было идти и делать это страшное дело» [6: 580].

Мальчики-идеалисты, уходившие на фронт добровольно и зачастую погибавшие первыми (Л. Я. Гинзбург цитирует письмо одного из них [б: 579–580]), принадлежат к человеческому большинству, которое заведомо «не годится» для войны – в силу возраста (юного или преклонного), штатского опыта, душевного склада. Перед лицом войны многие оказываются истинно «маленькими людьми», однако без них невозможна победа. Так, школяр выполняет свой солдатский долг вопреки страху, растерянности, усталости и, в конечном счете, действует не хуже остальных: «Мы делаем всё, что нужно. Всё, что нужно»².

Героическое поведение всегда общественно обусловлено, но оно (подчеркивает Л. Я. Гинзбург) выражает внутреннюю свободу личности, в то время как

«на войне миллионы самых обыкновенных людей, далеко не всегда по природе храбрых, ежеминутно рискуют жизнью и делают то, что от них *требуется* ситуация войны»; «Потолок, последний предел героического – жертва жизнью. Война XX века превращает этот высший нравственный критерий в обыденную норму, в *расхожее требование от любого человека*» [б: 335].

«Любой человек», «просто человек» становится на войне «маленьким», оказавшись под тройным бременем: это физические страдания, страх смерти и утрата даже иллюзии свободы. В повести Окуджавы заглавный персонаж, постепенно привыкающий к будням войны («Как будто я не голоден. Как будто мне не холодно. Как будто мне никого не жалко» (52/а)), все сильнее ощущает груз несвободы:

«Пронесло. Опять пронесло. Как противна беспомощность собственная. <...> Почему я должен ждать, когда меня стукнет? *Почему ничего от меня не зависит?*» (73/а).

Но «маленький человек» XX века, одинокий перед «предельно необходимым и давящим миром объективного ужаса жизни» [5: 285], оказывается призван «восстанавливать моральное равновесие» тем или иным способом [5: 287]. Попытку такого рода и делают «школяры», персонажи двух фронтовых повестей Булата Окуджавы.

«СТАРИННЫЙ» ИДЕАЛ В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЕЙ ФРОНТОВОГО ПОКОЛЕНИЯ: ГЕРОИ «ЛЕЙТЕНАНТСКОЙ ПРОЗЫ» И ШКОЛЯР БУЛАТА ОКУДЖАВЫ

«<...> А я стою, сутулый и смешной, и я ничего не создал, а только *хвастаюсь своим благородством, которого, может быть, и нету...*» (52/а), – укоряет себя автобиографический персонаж Окуджавы. Поскольку эпизоды «хвастовства бла-

городством» отсутствуют в повести «Будь здоров, школяр», процитированную фразу можно трактовать как экспликацию рефлексии писательской, творческой. Смысл этого жеста раскрывается в литературном контексте эпохи: для военной прозы фронтового поколения идея личного благородства в его «старинном» – дворянском – понимании оказалась в высшей степени актуальной; поляризация героического и «обыкновенного» типов отчетливо проявилась в характере культурно-исторического самоопределения.

Взрослевшие в «сороковые, роковые» (Д. Самойлов) с первых шагов в литературе избирают 1812 год как идеальный ориентир для обобщения и типизации своего военного опыта [1]. В сознании юных фронтовиков воскресло досоветское представление, что первая Отечественная война – «последняя “рыцарская” война, которую вела Россия в ее истории» [7: 30]. Видоизменяясь в культурно-исторических перипетиях второй половины XIX – первой половины XX века, миф о 1812 годе в итоге ассимилировал даже толстовскую эпопею, где идея рыцарской войны отвергнута: «Нам толкуют о правах войны, о рыцарстве <...>. Все вздор»³. В годы Великой Отечественной Наполеон воспринимался как антипод Гитлера [9: 356–363], поэтому идея соперничества с достойным противником заведомо не могла прилагаться к современности. Зато статус нового дворянства, почти официально присвоенный командирскому составу советской армии, помог юным офицерам психологически отождествиться с благородными предками. Именно дворянство, как показывает В. А. Кошелев, изначально «определило мифологию Отечественной войны», сделав опорой патриотической гордости «честь русского свободного человека» [7: 34].

Повесть Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда» (1946), стоящая у истоков «лейтенантской прозы», отразила самодвижение мифа, которое сняло противоречие между толстовской концепцией народной войны и культом героев. Здесь обозначена тенденция, ставшая затем традицией: автопсихологические и автобиографические персонажи фронтовиков «кодируются» образом толстовского князя Андрея [1: 13], [2: 164–165], романтически переосмысленного⁴. В глазах людей другой эпохи этот воин-мыслитель был олицетворением внутренней свободы, без которой нет героики. Позиция новых Болконских – синтез ранних героических вдохновений князя и откровений 1812 года о народной правде, общем духе войска; «личный опыт, отраженный в этом зеркале, получал

желанную монументальность, эстетическую завершенность» [2: 165]. Офицерское звание служило метафорой личной ответственности и духовного аристократизма⁵.

В повести Окуджавы «Будь здоров, школяр» (1961) благородный дворянско-офицерский комплекс редуцируется к мечте «малышки» о «лихой офицерской шинели», в которой он был бы замечен «красивой связисткой» (51/а). Окуджавский персонаж – рядовой, каким был на фронте автор повести; в литературном контексте начала 1960-х этот биографический факт получает особую выразительность – прежде всего благодаря переименованию рядового в *школяра*. Потенциал заглавной метафоры реализуется не столько в системе иерархических отношений «солдат – офицер»⁶, сколько во взаимодействии традиционных мифологем культуры, носителем которых выступает заглавный персонаж.

Школяр тоже принадлежит к поколению юношей, которые были «запрограммированы» на немедленную мобилизацию, на определенное отношение к родине, к войне и миру, к товарищам, к девушке» [3: 154]. Он тоже выражает представление об идеальных воинах, соединяя подвиг Болконского при Аустерлице с атрибутами советской героики: «А где-то наступление. Идут танки, пехота, кавалерия, поют “Интернационал”, падают, знамен не выпуская из рук» (53/а). Но под влиянием первых же фронтовых впечатлений предвоенные мечты о подвиге переключаются в регистр фантазий, отнесенных к другим, «далеким», настоящим героям [2: 169].

Приняв как должное участь рядового, школяр оказывается перед испытанием, которое не всякому рядовому предназначено: «книжному» мальчику приходится подчинять законам войны свою человеческую сложность. Именно сложность внутреннего мира роднит школяра с «двойниками» князя Болконского в «поколении лейтенантов». Проблема личного благородства оказывается насущно важной, когда человек попадает во власть могучих обстоятельств.

Вчерашний школьник выстраивает отношения с реальностью, оглядываясь на классическую литературу. Последовательность его литературных фантазий образует сквозной сюжет «поисков благородства». Путь неизбежно оказывается трудным: ведь точка отсчета – осознание себя в качестве «маленького человека», нелепого и беспомощного.

Заблудившись в ночной степи при выполнении первого задания, школяр во всех отношениях

сбит с толку. Он ищет в памяти хоть какие-то ориентиры для самооценки – и цитирует из прочитанного, пытаясь припомнить автора:

«За спиной у меня автомат, на боку – две гранаты, с другого бока – противогаз. Очень воинственный вид. Очень. *Кто-то сказал*, что воинственность – признак трусости» (51/а).

Так варьируется суждение лермонтовского Печорина о претензиях Грушницкого на героизм:

«Дамы на водах еще верят нападениям черкесов среди бела дня; вероятно, поэтому Грушницкий сверх солдатской шинели повесил шашку и пару pistols: он был довольно смешон в этом геройском облачении»⁷.

Готовность увидеть себя в подобном зеркале – проявление особого рода личной смелости.

Привыкание к фронтовому быту не ослабляет изумления школяра перед «вздыбленным» состоянием мира:

«Что случилось: всех подняло, понесло, перепутало... ползают *школьники* по окопам, умирают от ран, безрукими, безногими домой возвращаются...» (66/а).

Этому мировосприятию созвучна символическая картина бури в трагедии «Король Лир», подсказанная читательской памятью персонажа при подходящих обстоятельствах. Лишившись ночлега из-за ссоры с кавалеристами, минометчики бредут степью, а несчастный школяр импровизирует монолог в духе царственного изгнанника: «Бейте, миномёты, бейте! Дуй, ветер! Сыпь, дождь пополам со снегом! Мокни, моя спина! Болите, мои руки!...» (55/а); сравним:

Дуй ветер! Дуй, пока не лопнут щеки!
Лей, дождь, как из ведра, и затопи
Верхушки флюгеров и колоколен!
Вы, стрелы молний, быстрые, как мысль,
Дерева расщепляющие, жгите
Мою седую голову!⁸

Но конкретным поводом, замыкающим цепь ассоциаций, становится все та же необходимость личного самоопределения; подобно Лиру, который, скитаясь под бурей, смиряет былую гордыню («О нет, я буду образцом терпенья, // Ни слова больше не скажу»⁹), школяр переживает недавнюю постыдную ссору – и принимает вину на себя: «Мне кажется, что *это я* обидел человека» (55/а). Тот, кому доступна подобная моральная рефлексия, истинно благороден, хотя и не сознает этого.

Наконец, ключевой эпизод исторических фантазий школяра будит «эхо» наполеоновской эпохи. Маета в поисках ночлега после боя, под снегом с дождем, вдохновляет персонажа Окуджавы припомнить на ходу и разыграть в лицах некий старинный сюжет:

«Ночь. Хатка какая-то. Окна темны.

Я стучу в ставню. «Мадам, не будете ли вы столь любезны...» Никто не отвечает. «Мадам, я остался в живых. О, если бы вы знали, что там было!..» Я стучу в ставню. «Ботфорты – сюда, мундир – в гардероб, шпагу – на стул...» «Благодарю вас... *А где же ваша дочь?*..» <...>

Я стучу в ставню. «Вальдшнеп?.. Сыр?.. Вино?..» «О, благодарю вас. Ломтик холодной телятины и ром. Я солдат, мадам» <...>

Я стучу в ставню. Сашка стучит в ставню. Коля стучит в ставню.

«Вот ваша комната. Спокойной ночи». «Спокойной ночи, мадам. *А где же ваша дочь?*..»

– Чего вам еще?» (60/а).

Вероятный источник этой импровизации школяра – финал очерка К. Н. Батюшкова «Путешествие в замок Сирей (Письмо из Франции к г. Д<ашкову>)» (1814):

«Между тем ночь становилась темнее и темнее. <...> Поднялась страшная буря: конь мой от страха оставался, ибо вдали раздавался вой волков <...>. Вот, скажете вы, прекрасное предисловие к *рыцарскому походу*! Бога ради, сбейся с пути своего, забыв какую-нибудь красавицу от разбойников или *заезжай в древний замок*. Хозяин его <...> примет тебя как странника, угостит в зале трубадуров, украшенной фамильными гербами, ржавыми панцирями, мечами и шлемами; *хозяйка осыплет тебя ласками*, станет расспрашивать о родине твоей, *будет выхвалять дочь свою, прелестную, томную Агнессу, которая, потупя глаза, покраснеет, как роза* <...>.

– Напрасно, милый друг! *Со мной ничего подобного не случилось*»¹⁰.

Со школяром как раз случается нечто подобное – только в пародийном варианте: хозяйка хаты, пустившая солдат на ночлег, и сама любезности не проявляет, и шестнадцатилетнюю *Маньку* урезонирует, но та без всякой застенчивости домогается постояльца. Рассказ о бивачном искушении построен на стилевом раздвоении. Вступительные фразы самим построением напоминают об избыточной инверсиями прозе Батюшкова: «Я кладу шинель на лавку. Гаснет синий огонек коптилки. Чья-то рука проводит по волосам моим» (61/а).

Диалог с *Манькой*, мысленно переименованной в Марию, перемежается цитатами из только что прорепетированной сцены в замке. Вдвойне выразительной предстает на этом фоне предметная деталь – ботинки вместо ботфорт, которые были (наряду с мундиром и шпагой) частью благородного антуража:

«– Лезь ко мне, – говорит с печки тихий голос, – у меня тепло.

– А ты кто?

– *Какая разница?* Лезь. У меня тепло...

– *Манька*, – равнодушно говорит хозяйка, – смотри у меня...

– Тебя не спросилась, – говорит *Манька* с печи. А рука ее гладит меня, гладит.

– Лезь сюда.

– *Обожди, ботинки снимаю.*

– Лезь. *Какая разница?*

Вдруг услышат?.. «Где ваша дочь, мадам?..» Вдруг услышат... Вот тебе и дочь!..

<...> Так просто?» (61/а).

Пресловутые ботфорты вообразились взамен нелепых ботинок с обмотками; и те же ботинки, неуместные для бивачного приключения, напоминают школяру о внутренней преграде – о невозможности перенять у *Маньки* принцип «какая разница».

Роль галантного кавалера былых времен, усвоенная «книжным» мальчиком, ставит его в смешное положение; но глубоко человечна сама потребность переименовывать грубое, облагораживать телесное, усложнять элементарное. Воображаемое «старинное» благородство суть благородство реальное, единственно сильное для «маленького человека» сопротивление войне, которая во все века требует от солдата одного и того же – упрощения.

БЛАГОРОДНЫЕ ФАНТАЗИИ И ЗАКОН ВОЙНЫ

Соавторская киноповесть «Женя, Женечка и «катуша», или Необыкновенные и достопоучительные фронтовые похождения гвардии рядового Евгения Колышкина, вчерашнего школяра», опубликованная через год после выхода фильма Владимира Мотыля, представляет собой не сценарий, а произведение, в основном следующее за отснятой картиной: текст содержит целый ряд сюжетных поворотов и деталей, возникших в результате режиссерских импровизаций [8]. Некоторые решения Мотыля были неожиданными для Окуджавы; не вполне отвечал его замыслу и главный герой в исполнении Олега Даля. Режиссер так вспоминает разговор соавторов после просмотра начерно смонтированной картины:

«<...> когда мы писали сценарий, я представлял себе, что Женя Колышкин – это я, а когда увидел Олега Даля, я понял, что наш главный герой – это ты» [8: 36].

Тем не менее во всех прижизненных публикациях киноповести первым автором значится именно Окуджава. Общеизвестная щепетильность писателя позволяет расценивать этот факт как свидетельство его реального вклада в общую работу. Отрефлексировав «свое и чужое», Окуджава напишет в предисловии (озаглавленном «Вместо предисловия»):

«Темы носятся в воздухе, как тополиный пух. Успевай – подхватывай. Вот и мы с Владимиром Мотылем <...> поймали одну и ту же тему»¹¹.

Фильм был задуман вскоре после широко-масштабного празднования 150-летия Отечественной войны. Третье творческое объединение Ленфильма заключило договор с писателем и режиссером на сценарий будущей картины в марте 1965 года [4]. К тому же времени относится большое культурное событие: в 1965-м Сергей Бондарчук выпустил две первые серии экранизации «Войны и мира». Об актуальности для соавторов этого контекста говорит мотив, сопровождающий главного героя с момента первого появления. Женя Колышкин по пути в свою часть «выкрикивал, повторяя на все лады, заучивая наизусть» фразу рапорта:

«Товарищ гвардии младший лейтенант!.. Гвардии рядовой сто тридцать девятого, отдельного, добровольческого, ордена Кутузова второй степени и ордена Отечественной войны первой степени, краснознаменного дивизиона гвардейских минометов... Евгений Колышкин после благополучного излечения в госпитале при- был...» (5–6/6).

Представ перед командиром, незадачливый солдат собьется как раз на историческом имени:

«Товарищ гвардии младший лейтенант, рядовой сто тридцать девятого отдельного... гвардейского, добровольческого ордена Кутузова второй степени...» (10–11/6).

Таким образом, переключка двух Отечественных войн становится одной из граней весьма острой концепции, воплощенной в жанре трагикомедии.

Автобиографическое повествование о школяре предварялось замечанием: «*Это не приключения*. Это о том, как я воевал. Как меня убить хотели, но мне повезло» (50/a); в заглавие киноповести выносятся иронически акцентированное слово «похождения»: «Необыкновенные и досто- поучительные фронтные похождения...» Герой киноповести представляет собой тот же психологический тип, что и школяр («грустный солдат», «маленький человек» XX столетия), но уже не имеет прототипом воевавшего автора. Похождения Колышкина совершаются в условном мире эксцентрического жанра. Закономерно, что фантазирование как прием используется здесь более откровенно.

Само стилизованное заглавие киноповести приглашает читателя к игре: сталкивается гвардейский статус и школярское происхождение героя, его значащее благородное имя *Евгений* и смысловая фамилия *Колышкин*. Именно в качестве «вчерашнего школяра» он получает *кол за поведение*; в то же время по своей «внутренней форме» фамилия *Колышкин* (от *колышек*) – традиционный литературный антропоним, устанавливающий

связь с классическим типом «маленького человека». Окружающий героя мир «двоится» благодаря полету воображения, увлекающему в знакомое по книгам прошлое. Как и в повести «Будь здоров, школяр», темы фантазий вчерашнего школяра разнообразны (он вспоминает то приключения мушкетеров, то дуэль Онегина и Ленского, то страдания мадам Бовари), но отсылки к эпохе наполеоновских войн преобладают.

Культурно-исторические подтексты, характерные для ранней повести, здесь эксплицированы. Эту тенденцию легко заметить при сравнении портретов функционально подобных персонажей – антиподов-приятелей школяра:

«Коля Гринченко, когда говорит с офицерами, всегда чуть улыбается. Еле-еле. <...> И *очень изящно козыряет* и говорит при этом: “Так точно”» (51/a); «Лешка Зырянов прохаживался в карауле, *подтянутый и изящный, как гусар*» (13/6).

Сходным образом трансформируется ситуация ревности. Для главного героя «Школяра...» предполагаемый счастливый соперник – «высокий майор» – просто один из многих, чье превосходство над «маленьким человеком» подкреплено офицерским званием. Колышкин воспринимает галантного полковника в качестве ряженого, красующегося перед дамой:

«Эполеты, аксельбанты, галуны, кирасы, мазурки, тра-ля-ля, – с грустной иронией думал Колышкин. – Какие прекрасные лосины!.. Вы знаете, они вам к лицу» (27/6).

Фантазии о гостеприимном замке где-то в Европе, унаследованные от персонажа первой повести, разрастаются в цепь эпизодов и получают французский колорит; тем самым окончательно проясняется вдохновляющее мечтателя историческое событие – поход русской армии на Париж. Колышкин импровизирует:

«Мои друзья крепко спят в опочивальне замка, хрустя прохладными простынями. В этом сугубо мужском обществе заключена неповторимая прелесть: полная раскованность, никаких условностей. *Pas des conventions – la liberté complet*» (14/6).

Хотя изъятие амурного интереса здесь особо подчеркнуто, позднее в монологе героя появится и мадам с «очаровательной дочерью»: «*Et où est votre fille ravissante, madame?*» (30/6). «Очаровательная дочь» тут же обернется беспутной Манькой. Допрос пленных с участием Колышкина превращается в фарс, поскольку тот не владеет языком реального противника и норовит перейти на французский, уместный во время наполеоновских войн. Словом, именно эта эпоха отвечает представлению вчерашнего школяра о «совсем-совсем иной войне» (14/6): воскресив ее в памяти,

недотепа способен почувствовать себя настоящим героем и покорителем женских сердец.

Приближение победы вызывает понятную эйфорию и рождает иллюзию долгожданного совпадения фантазий с действительностью. На подступах к Берлину происходит настоящее чудо, когда после годичной разлуки среди огромной массы наступающих войск Женя встречает свою даму сердца. Местом их любовного свидания становится старинный особняк: «И в этом замке витал амур...»; «Он вообразил себя хозяином этого замка, а Женечку – своей женой» (80, 81/б). Втягивая Женечку в привычную игру, фантазер невольно навлекает на подругу смерть. Казалось бы, нельзя более наглядно показать несостоятельность мечтателя перед военной реальностью. Однако в тот момент, когда формируется этот смысловой итог, тема «настоящей войны» резко осложняется.

Символичны обстоятельства смерти героини: она гибнет на пороге комнаты, из которой ей послышался голос Жени, в то время как там прятался настоящий хозяин замка с благородным именем Зигфрид. Собственное спасение школяра – результат очередного военного чуда: Зигфрид узнал в нем странного Эвгения, чьи бессвязные речи переводил позапрошлой зимой, смешного Эвгения, которому в новогоднюю ночь посчастливилось уйти живым из немецкого блиндажа. Краткий миг колебания Зигфрида перед выстрелом был данью человечности, которая на войне гибельна.

Таким образом, война шадит фантазера лишь для того, чтобы он привел в действие ее беспощадный закон: Женечка должна быть отомщена. До сих пор Колышкин ни в кого не стрелял сам, он лишь подносил снаряды, а теперь призван совершить первое настоящее убийство. Это событие, ставя точку в сюжете фронтовых походов (и в ходе самой войны), не отменяет парадоксального итога школярских фантазий. Исторические перевоплощения, сделавшие осязаемым далекое прошлое, подготовили и другое сближение: сойдясь лицом к лицу в хаотически перемешанном пространстве замка – на «руинах зла» (78/б), юные враги на мгновение оказались двойниками. Случайно застигнутый в своем убежище, Зигфрид стрелял в «эту русскую» рефлেকторно, опережая ее

действия, и с такой же неизбежностью действует вчерашний школяр. Исполнив закон войны, он плачет – не только о погибшей любимой, но и об убитом немце.

Если сюжетно финал подготовлен эпизодом в немецком блиндаже, где Женя и Зигфрид удивленно, не чувствуя вражды, присматривались друг к другу, то внесюжетная мотивировка – система отсылок к «благородной» войне с Наполеоном. Миф о ней внушает школярам упования, которым никакая реальность не может соответствовать.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопрос об актуальности «старинного» идеала поставлен Окуджавой принципиально иначе, нежели авторами «лейтенантской прозы»: прошлое существует в качестве «благородного» лишь постольку, поскольку в нем нуждаются идеалисты новых поколений.

«Школярский» взгляд формирует ракурс избрания событий как в рассказе от первого лица («Будь здоров, школяр»), так и в объективном (по формальным признакам) повествовании («Женя, Женечка и “катюша”»). В художественном мире Окуджавы критерий отношения к закону войны, единому для всех исторических эпох¹², определяется именно «маленьким человеком», «грустным солдатом». Автор, внутренне причастный к персонажам этого склада, отнюдь не разоблачает их заблуждения, но демистифицирует идеал «совсем-совсем иной войны» (14/б) исподволь: сочетание наивной (по возрасту) книжности с ироничностью и рефлексивностью, присущей интеллигентному мальчику, позволяет ему увидеть собственные благородные мечтания со стороны.

Военная реальность, не имеющая даже воображаемой альтернативы, оставляет «грустного солдата» наедине с вечной проблемой: и дело войны – убийство – не подлежит облагораживанию, и долг есть долг, но человек уповает на невозможное. В этом отношении школяры оказываются истинными двойниками участников «рыцарской» войны с Наполеоном. Рефлексия писателя о военном опыте своего поколения послужит рождению концепции романа «Свидание с Бонапартом», где все персонажи предстанут «маленькими людьми».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Курсив в цитатах везде мой.

² Окуджава Б. Будь здоров, школяр // Тарусские страницы. Калуга: Калуж. обл. кн. изд-во, 1961. С. 73. Далее номера страниц приводятся в круглых скобках с литерой «а» после косой черты: (73/а).

- ³ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 11. М.: ГИХЛ, 1940. С. 210.
- ⁴ См., например, представление героя в повести Ю. Бондарева «Юность командиров» (1956): «– А кто вон тот, весь в орденах? – Андрей Болконский в байроническом плаще» (Бондарев Ю. В. Собрание соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1984. С. 222). В романе «Берег» (1975) «значащее» имя и символическая фамилия даны лейтенанту Андрею Княжко.
- ⁵ Попытка обойтись без данного контекста при описании «крушения романтических иллюзий» персонажа Окуджавы [9] привела автора статьи к смысловому упрощению.
- ⁶ О трансформации мотива «командования» и отказе от функциональной характеристики персонажей в повести Окуджавы см. в монографии С. С. Бойко [3: 144–151].
- ⁷ Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. М.: АН СССР, 1962. С. 67.
- ⁸ Шекспир В. Комедии; Хроники; Трагедии; Сонеты: В 2 т. Т. II. М.: РИПОЛ, 1994. С. 471.
- ⁹ Там же. С. 472.
- ¹⁰ Батюшков К. Н. Сочинения: В 2 т. Т. I. М.: Худож. лит., 1989. С. 107.
- ¹¹ Окуджава Б., Мотыль В. Женя, Женечка и «катушка», или Необыкновенные и достопоучительные фронтовые похождения гвардии рядового Евгения Колюшкина, вчерашнего школяра: Киноповесть. М.: Искусство, 1968. С. 3. Далее номера страниц приводятся в круглых скобках с литерой «б» после косой черты: (3/б).
- ¹² См. об этом в нашей книге: Александрова М. А. Творчество Булата Окуджавы и миф о «золотом веке». М.: Флинта, 2021. В печати.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова М. А. 1812 год в творческом сознании писателей фронтового поколения // Вестник Нижегородского университета. 2013. № 1. Ч. 2. С. 11–14.
2. Александрова М. А. Диалог с Л. Н. Толстым в повести Б. Окуджавы «Будь здоров, школяр» // Сибирский филологический журнал. 2013. № 2. С. 164–171.
3. Бойко С. С. Творчество Булата Окуджавы и русская литература второй половины XX века. М.: РГГУ, 2013. 602 с.
4. Босенко В. И. [Комментарии] // Окуджава Б. Капли Датского короля. Киносценарии. Песни для кино. М.: ВПТО «Киноцентр», 1991. С. 246–247.
5. Гинзбург Л. Я. Литература в поисках реальности. Л.: Сов. писатель, 1987. 400 с.
6. Гинзбург Л. Я. Человек за письменным столом. Л.: Сов. писатель, 1989. 608 с.
7. Кошелев В. А. О литературной «мифологии» 1812 года // Реалии и легенды Отечественной войны 1812 года: Сб. науч. ст. СПб.; Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2012. С. 29–45.
8. Мотыль В. О Булате Окуджаве // Встречи в зале ожидания. Воспоминания о Булате. 2-е изд., испр. и доп. Н. Новгород: Деком, 2004. С. 31–39.
9. Отечественная война 1812 года в культурной памяти России: Коллект. монография. М.: Кучково поле, 2012. 448 с.
10. Позина М. В. Крушение романтических иллюзий в повести Б. Окуджавы «Будь здоров, школяр» // Вопросы литературы. 2018 № 4. С. 209–214.
11. Померанц Г. С. Серная спичка // Литературное обозрение. 1998. № 3. С. 23–24.

Поступила в редакцию 31.08.2021; принята к публикации 20.12.2021

Original article

Maria A. Aleksandrova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Senior Researcher, International Research Laboratory of Basic and Applied Aspects of Cultural Identification, Linguistics University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation)
 ORCID 0000-0001-5183-9322; nam-s-toboi@mail.ru

SCHOOLBOYS OF BULAT OKUDZHAVA: “LITTLE MAN” IN SEARCH OF NOBILITY

Abstract. The relevance of the topic is determined by the request of modern literature studies to revise the Soviet aesthetic assessments and ideological interpretations of the works about war, as well as the relatively recent need for a thorough study of Bulat Okudzhava’s literary heritage. Okudzhava’s early short novel *Be Well, Schoolboy* (1961) and the co-authored screenplay *Zhenya, Zhenechka and “Katyusha”* (1968) are for the first time compared as stages of reflection on a “little man” in a war situation. The working hypothesis of the study stems from L. Ya. Ginzburg’s ideas about a new function of the “little man” in the twentieth-century art. Being a universal symbol of human

vulnerability, the “little man” is in charge of restoring the moral balance. Furthermore, the study develops V. A. Koshelev’s generalizations regarding the mythologization of the War of 1812 as the “last chivalric war”. This approach enables one to determine the originality of the problematics of Okudzhava’s works against the background of the most prominent examples of the so-called “lieutenant prose” and compare the main types of autopsychological characters searching for nobility. The substantially new element of the study is the analysis of the historical and literary fantasies of Okudzhava’s “schoolboys” which express the author’s realistic view of the “honorable past” (the Napoleonic era).

Key words: Bulat Okudzhava, Lidia Ginzburg, “little man”, War of 1812, Napoleonic era, myth, “lieutenant prose”, autopsychological character

For citation: Aleksandrova, M. A. Schoolboys of Bulat Okudzhava: “little man” in search of nobility. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(1):89–96. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.708

REFERENCES

1. Aleksandrova, M. A. The year 1812 in the creative consciousness of war-generation writers. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*. 2013;1(2):11–14. (In Russ.).
2. Aleksandrova, M. A. The dialogue with L. N. Tolstoy in Bulat Okudzhava’s story “Goodbye! All The Best, School Student!”. *Siberian Journal of Philology*. 2013;2:164–171. (In Russ.).
3. Boyko, S. S. Bulat Okudzhava’s works and the Russian literature of the second half of the XX century. Moscow, 2013. 602 p. (In Russ.).
4. Bosenko, V. I. [Comments]. *Okudzhava B. Drops of the Danish King. Screenplays. Songs for cinema*. Moscow, 1991. P. 246–247. (In Russ.).
5. Ginzburg, L. Ya. Literature in search for reality. Leningrad, 1987. 400 p. (In Russ.).
6. Ginzburg, L. Ya. Person at the desk. Leningrad, 1989. 608 p. (In Russ.).
7. Koshelev, V. A. Literary “mythology” of 1812. *Realities and legends of the War of 1812: Collection of articles*. St. Petersburg, Tver, 2012. P. 29–45. (In Russ.).
8. Motyl’, V. About Bulat Okudzhava. *Meetings in the waiting room. Memories of Bulat*. Nizhny Novgorod, 2004. P. 31–39. (In Russ.).
9. The War of 1812 in Russia’s cultural memory: Collective monograph. Moscow, 2012. 448 p. (In Russ.).
10. Pozina, M. V. The undoing of romantic illusions in B. Okudzhava’s story Lots of Luck, Kid [Bud Zdorov Shkolyar]. *Voprosy Literaturny*. 2018;4:209–214. (In Russ.).
11. Pomerants, G. S. Sulfur match. *Literary Review*. 1998;3:23–24. (In Russ.).

Received: 31 August, 2021; accepted: 20 December, 2021